

прийти к выводу, что это *фаза надлома*. Русская ментальность еще формируется и постоянно испытывает на себе кризисы предшествующего слома культурной самоидентификации. Поэтому преодоление этого надлома важно нам для обеспечения стабильности русских культурных констант.

Литература

1. Худякова Г.П. Самобытность русской философии (аспект мировоззренческого поступка): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 1998. – 42 с.
2. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. – 1996. – №5. – С. 92-103.
3. Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России (фрагменты из книги «Россия и Соединенные штаты, 1944») // Социс. – 1993. – №8. – С. 133-145.
4. Дыркова Л.А., Сысоева Л.С. Русское мессианство и судьбы России. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2009. – 272 с.
5. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 1998. – 208 с.
6. Нарочницкая Н. Чтобы выжить – нам надо уверенно

ощущать себя русскими // Комсомольская правда. – 2004. – 2 июня.

7. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 536 с.

8. Sysojeva L.S. Russian democracy in the vacuum of civil society // Santalka. – 2009. – Т.17. – №1. – Р. 41-4.

Сысоева Любовь Семеновна, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы, социальной и клинической психологии Сибирского государственного медицинского университета.

Sysojeva Lubov' Semenovna – d-r of philosophy sci., prof., head of department of social work, social and clinical psychology of Siberian State Medical University

E-mail: sysojeva@mail.ru

Аносов Павел Владимирович, соискатель кафедры истории и теории культуры Института культуры и искусств Томского государственного университета.

Anosov Pavel Vladimirovich, post-graduate of department of history and theory of culture of Institute of Culture and Arts of Tomsk State University.

Тел.: 89138046851.

УДК 2-135

Г.М. Тарнапольская

САКРАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ БЫТИИ

Возникновение в символе свойства сакральности анализируется методом категориального различения сущности и энергии. Дается понимание сакральности символа в мифе.

Ключевые слова: сакральность, миф, ритуал, сущность, энергия

G.M. Tarnapol'skaya

SACREDNESS OF THE SYMBOL IN MYTHOLOGICAL BEING

The beginning in a symbol the qualities of sacredness is analyzed in accordance with dialectics of essence and energy. The understanding of the sacredness of the symbol in the myth is shown.

Key words: sacred, myth, ritual, essence, energy.

Знак и символ человек воспринимает по-разному: знак представляется чем-то условным, символ же открывает реальное присутствие символизируемого предмета, хотя это присутствие иного рода, нежели данность в эмпирическом восприятии самого этого предмета. Знак ассоциируется с запомненным актом сознания, который состоит в переклещении внимания на смысл обозначаемого предмета. Иными словами, знак мотивирует воспроизведение запомненной реакции сознания. Поэтому восприятие знака носит нетворческий характер, т.е. не предполагает усмотрения в знаке чего-либо нового, помимо того, что уже запомнено.

Восприятие символа, напротив, носит творческий характер, так как человек стремится из самого символа узнать что-либо новое о символизируемом предмете. Условием этого является выражение символа в образе. Образ может либо существовать в фантазии, либо быть воплощенным в каком-нибудь эмпирическом предмете, может быть сильно схематизированным или, напротив, картинным, художественным, но в любом случае он всегда

должен быть наглядным. Однако символ есть нечто большее, чем образ, так как он не только наглядно передает характер символизируемого предмета, но и создает ощущение онтологического присутствия этого предмета несмотря на то, что сам предмет фактически отсутствует. Следовательно, символ несет в себе такой онтологический момент, который в некоторой степени компенсирует фактическое отсутствие символизируемого предмета.

Энергичная диалектика позволяет выделить этот момент на основе категориального разграничения сущности и энергии. Энергия представляет собой локальное выражение предмета в свойстве или действии, сущность несет в себе бесконечную потенцию энергий предмета. Энергия, будучи действием сущности, является локализованным событием. Сущность присутствует в энергии как нечто вневременное и бесконечное в случающемся и ограниченном. Таким образом, сущность присутствует лишь тогда, когда обнаруживается потенция новых энергий. Следовательно, если в том или ином событии или частной энергии раскрывается потен-

ция новых энергий, то в этом случае следует говорить о присутствии новой сущности.

Предмет воспринимается фактически данным, т.е. подлинно присутствующим, если энергия его сущности может выражать в себе скрытую в потенции этой сущности новую энергию. Например, общаясь с человеком, мы осознаем, что он всегда может неожиданно что-либо сказать, по-новому поступить и даже полностью измениться. Фактическое отсутствие предмета означает то, что он выражен лишь в своем локальном проявлении, например, в фантазии, обозначении или изображении, и его сущностная потенция проявляется в других энергиях пока остается скрытой. Например, рассматривая фотографию человека, мы не ожидаем, что этот человек на фотографии будет с нами разговаривать, открывать секреты или как-то изменяться. Фотографический образ несет в себе лишь тот аспект человека, который выражен в момент фотографирования. Однако всякий образ также несет в себе и собственную сущность, которая обладает собственной потенцией энергийно выражаться. Поэтому энергия фактически отсутствующего предмета может соединяться с энергиями образа. В этом случае синергия образа и изображаемого раскрывает собственную потенцию энергийных выражений. Например, в художественном портрете человека мы каждый раз можем обнаруживать что-то новое, прикасаться к скрытым тайнам души этого человека, несмотря на то, что сам изображенный человек фактически отсутствует. Следовательно, воплощение человека в портрете порождает новую сущность портрета с собственной потенцией энергийного выражения.

Если бы не было познающего субъекта, то и разговор о символах был бы лишен всякого смысла. Поэтому символ существует всегда как выражение для кого-то, иначе говоря, синергия образа и символизируемого предмета должна воплощаться либо в акте понимания, либо в конкретном эмпирическом действии субъекта – ритуале. Понимание – это энергия сущности человека, поэтому активность понимания – это активность самого человека. Свою активность человек может проявлять по-разному, что позволяет говорить о разных уровнях и формах понимания. Направленная на раскрытие символа активность человека может проявляться и в других действиях, сопровождающих понимание, в частности, в ритуале. «Ритуал, – утверждает Н.Н. Карпицкий, – это любые действия, которые направлены на воплощение нового смысла. Сила ритуала заключается в том, что воплощение нового смысла изменяет свойства предмета» [1, с. 13.]. Речь идет о воплощении в конкретных эмпирических вещах новых смыслов, благодаря которым они становятся символами.

Бытие, в котором обнаруживаются новые свойства вещи, возникшие в результате воплощения в ней более высокого или общего смысла, А.Ф. Лосев называет мифом, поэтому он утвержда-

ет, что «миф никогда не есть только схема или только аллегория, но всегда, прежде всего, символ» [2, с. 57.]. Символ предполагает воплощение в образе нового смысла, который отличен от смысла носителя образа. Когда происходит воплощение нового смысла в эмпирической вещи, в ней возникают и новые свойства, ранее в этой вещи не присутствовавшие. Например, если мы обнаруживаем в сочетании красок воплощение художественного замысла, то обнаруживаем произведение искусства, выражающее и свойства личности автора, и свойства культуры, эпохи. Если в анатомическом лице обнаруживается присутствие человека как личности, то лицо становится живым, эстетически выразительным. Совокупность символических образов и вещей по-новому упорядочивает эмпирическую действительность, придавая ей новые свойства. Символы могут свидетельствовать о воплощении в эмпирическом мире таких обобщающих смыслов, которые объединяют разрозненные вещи в новое жизненное единство. Творчески развивая традицию неоплатонизма, А.Ф. Лосев понимает миф как результат отрешенности от частных повседневных смыслов вещей и воплощение в них обобщающих смыслов, объединяющих вещи и наделяющих их новыми мифологическими свойствами. В этом случае любая вещь, понимаемая не в своем отвлеченном дискретном существовании, а в отношении к более обобщенному пониманию мира в мифологическом восприятии, онтологически воплощает в себе новый обобщающий мифологический смысл, становясь символом: «Миф... есть живое, выразительное и символически выразительное, интеллигентно-выразительное бытие. Вещь, ставшая символом и интеллигенцией, есть уже миф» [2, с. 70.]. Если символ воплощается в ритуальных действиях, то он порождает миф путем привнесения в эмпирическую действительность новых свойств, если он воплощается только в познавательной энергии, то о нем следует говорить лишь как о символе, так как об изменении эмпирической действительности в этом случае речь не идет.

Воплощаемый в ритуале символ обладает силой, привносящей в действительность новые свойства, которые раскрываются в мифологическом бытии. Эта сила представляет собой особую энергию сущности символа – сакральность. Таким образом, сакральность характеризует не столько сам по себе символ, сколько его способность действовать в эмпирической реальности. Эта способность обнаруживается только благодаря ритуалу. Эмпирическая вещь может стать мифологической, если в ней возникают новые свойства, связанные с воплощением более общего смысла, и может стать сакральным символом, если она воплощает в себе энергии высшей сущности. В данном случае представление о мифологических свойствах вещи очень похоже на представление о сакральных свойствах, тем не менее, их нужно различать. Мифологические свойства – это любые свойства вещи, которые первона-

чально не связаны с ее сущностью и были привнесены в нее благодаря ритуалу, сакральные свойства вещи – это те свойства, благодаря которым сакральная вещь продолжает действовать в эмпирической реальности, привнося новые свойства в другие вещи. В этом смысле сакральность не просто возникает в ритуале, но и распространяет действие ритуала дальше в эмпирической реальности.

Синоним реальности – «действительность» – указывает на то, что реальность формируется во взаимодействии. Эмпирическая реальность возникает из взаимодействия чувственно воспринимаемых и локализованных в пространстве и времени действий вещей. Символ может быть воплощен как в образе, так и в конкретной эмпирической вещи. В последнем случае в эмпирической вещи обнаруживается новая сущность – сущность символа, содержащая потенцию новых энергий. Действия воплощенных в эмпирических вещах сущностей символов вовне порождают взаимодействие более высокого уровня, которое представляет собой мифологическую действительность.

В соответствии с этим можно выделить три последовательных уровня понимания мифа.

1. Миф – это действительность, структурированная в соответствии с мифологическими смыслами или архетипами.

2. Миф – это не просто особым образом упорядоченная действительность, но реальное единство конкретных вещей, которые воплощают в себе мифологические смыслы и архетипы, благодаря чему и обретают новые мифологические свойства.

3. Миф – это не просто единство мифологических вещей, но их жизнь, становление.

Первый пункт этого списка разделяется большинством исследователей: миф имеет собственную смысловую структуру, в соответствии с которой выстраивается мифологическая картина мира. Вторым пунктом подразумевается онтологическое понимание мифа как подлинной реальности самой по себе, что предполагает онтологическое же понимание смысла как объективной сущности. Вещь не просто осмысливается мифологически, но энергично воплощает в себе новую сущность и объективно обретает новые свойства. Данное понимание в соответствии с неоплатоническим подходом обосновал А.Ф. Лосев.

Миф, по мнению А.Ф. Лосева, возникает в результате отрешенности от смыслов изолированных вещей ради воплощения в них нового смысла, объединяющего эти вещи в новое жизненное единство. А.Ф. Лосев утверждает, что мифическая отрешенность – это «отрешенность от смысла, от идеи факта (ради нового смысла и идеи). ...все вообще вещи, поскольку они берутся в живом опыте, даже самые повседневные вещи, суть в этом смысле мифически-отрешенные, ибо никто никогда не воспринимает голых и изолированных вещей вне их личностного и, следовательно, социального контекста. Получается, что то или иное отрешение от

смысла вещей (разумеется, абстрактно изолированных вещей) *всегда налично в опыте* и что весь опыт в таком случае оказывается мифическим. ...Очевидно, что живые вещи – мифичны, что «отрешенность» тут есть только отрешенность от абстрактной изоляции, что на самом деле это вовсе не «отрешенность», а – основание самой наиподлинной и живой реальности» [2, с. 95].

Новый мифологический смысл, воплощенный в конкретной эмпирической вещи, привносит в нее и новые свойства, придавая вещи мифологический характер. Однако всякая мифологическая вещь есть уже символ, поэтому воплощение в ней смысла следует описывать как онтогенез собственной сущности символа. Выражая воплощенную в себе новую сущность, эмпирическая вещь раскрывает новую потенцию энергичного самовыражения уже в качестве мифологической вещи. Например, амулет, воплощая в себе смысл целительства, сам становится символом целительной силы, обретая вместе с этим и объективную способность исцелять. Однако мифологическая вещь не может существовать изолированно сама по себе, вне отношения к личности, к другим мифологическим вещам и мифологической картине мира в целом. Эти отношения, которые являются выражением смысловой энергии мифологической вещи, упорядочивают события эмпирической жизни. Таким образом, взаимодействие раскрываемых в мифологических вещах новых энергий порождает мифологическую действительность.

Мифологическая действительность формируется благодаря ритуалу, под которым следует понимать особые действия человека, направленные на воплощение в эмпирической реальности нового смысла, наполняющие вещи новым содержанием. Однако ритуал может выполнять две разные задачи: воплощение в вещи нового смысла, например, освящение иконы, придающее ей способность являть в себе первообраз, и дальнейшее распространение энергий мифологической вещи на окружающую действительность, например, поклонение иконе, которое распространяет действующую через нее благодать на повседневную жизнь человека. В первом случае ритуал порождает мифологическую вещь, во втором – раскрывает ее сакральное действие.

Осуществляемое в ритуале воплощение мифологических смыслов порождает мифологическую действительность как единство мифологических вещей. Однако каждая мифологическая вещь обретает способность привносить в окружающие вещи новые свойства. В этом состоит сакральная сила мифологической вещи, которая также реализуется с помощью ритуала, расширяющего пределы мифа и вовлекающего в него новые вещи и события, а также и людей, ранее не воспринимавших миф. Поэтому не только носители мифологического сознания могут сталкиваться с удивительными явлениями, возможными только в мифологической картине

мира, но и люди, стремящиеся мыслить рационально и не приемлющие мифологические объяснения, если они оказываются среди тех, кто живет по законам мифа. Благодаря сакральной силе миф способен распространять свое действие за собственные пределы.

Выявление сакральной сущности символа заставляет перейти от понимания мифа как единства мифологических вещей к пониманию мифа как становления, способного вовлечь в себя окружающую действительность. В основе мифа лежит единство, порожденное смысловыми энергиями мифологических вещей. Однако взаимодействие сакральных энергий мифологических вещей поро-

ждает единство более высокого порядка, раскрывающееся как становление жизни.

Литература

1. Карпицкий Н.Н. Философия мифа. – Томск: СибГМУ, 2004. – 20 с.

2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 5-298.

Тарнапольская Галина Михайловна, канд. филос. наук, докторант Томского государственного университета.

Tarnapolskaya Galina Mihailovna, cand. of philosophy science, post-graduate student of Tomsk State University.

E-mail: tagami@vtomske.ru

УДК 101.1:316

С.С. Товуу

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются методологические проблемы исследования социальной реальности. Важным выводом исследования является то, что неотъемлемую составную часть социальной реальности представляет этническая картина мира.

Ключевые слова: социальная реальность, идеальная конструкция, репрезентация, этническая картина мира.

S.S. Tovuu

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF SOCIAL REALITY

This article touches upon the methodological problems of research of social reality. The most important result of the research is that the main part of social reality is ethnic picture of the world.

Key words: social reality, ideal construction, representation, ethnic picture of the world.

Динамизм и сложность современного мира, открывающего новые горизонты социальных возможностей, требуют глубоких знаний относительно социальной реальности, предстающей перед людьми как результат и цель их предметной деятельности. Понятие социальной реальности недостаточно глубоко исследовано в науке, поэтому целесообразно начать рассмотрение методологической проблематики социальной реальности. В действительности в современном научном знании отсутствует общепринятое определение социальной реальности, оно все больше эксплицируется с такими понятиями, как «социальное», «социальная действительность», «социальное бытие». «Социальное» модифицируется в понятие «социальная реальность» и «социальное пространство».

Ю.И. Прохоренко по этому поводу отмечал: «Существует перманентный кризис объектно-предметных структур социогуманитарного знания, проблема в преодолении «распредмечивания» той или иной науки, также в нахождении и сохранении динамичного единства ее объекта и предмета» [1, с.23]. Необходимы определение целостного объективного феномена, онтологическая экспликация социальной реальности как объекта социогуманитарного знания.

Категория социальной реальности, являясь одной из базовых в социальной философии, неоднократно становилась объектом исследований философской мысли. Представления о социальной ре-

альности в основном были связаны с размышлениями об обществе, государстве и т.д. В трудах античных и средневековых мыслителей (Сократ, Платон, Аристотель, А. Августин, Ф. Аквинский и др.), Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк), в работах Гегеля, И. Канта, И. Фихте социальная реальность не выделяется как самостоятельная философская категория, хотя их работы содержат огромный методологический потенциал для анализа этого социального феномена. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса анализ социальной реальности осуществляется в рамках изучения общественных отношений. То есть направления исследований несут ярко выраженный след своей эпохи.

На рубеже XIX–XX вв. наука «социология» начинает активно исследовать социальную реальность в рамках изучения общества (учения О. Конта, М. Вебера, Э. Дюркгейма). Для человека общество представляет собой объективную реальность, «объективную фактичность» (М. Вебер), нечто существующее посредством социальных институтов, социальных организаций, совокупностью людей и т.д. Хотя социологи (М. Вебер, Э. Дюркгейм) указывали и обратное, общество создается благодаря деятельности индивидов, общество – «совокупность субъективных значений действия» [2, с.101].

Во второй половине XX в. вопросы сущности общества, социальной реальности ставятся в работах крупнейших социологов – П. Бергера, П. Бур-